

ТОТАЛИТАРИЗМ

И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

9

ВЫПУСК

Март 2011

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК РАСПРОСТРАНТЕЛЬ ТОТАЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ: А.А. ЗИНОВЬЕВ

*Лицемерил один. Клеветал коллективно.
Подпевал демагогии высших властей...*

А. Зиновьев.

Проблема формирования и распространения тоталитарного сознания была поставлена Лениным в «Что делать?» и решалась так или иначе на протяжении всей эпохи Октября. А. А. Зиновьев был одним из самых талантливых и, несмотря на все противоречия, последовательных представителей этой интеллигенции. К тому же он оставил немало откровенных свидетельств об этой работе.

В 1951 г. он с отличием окончил «философский факультет МГУ», был принят в аспирантуру и в 54-м защитил кандидатскую по «логике» марковского «Капитала». Но эта «логика коммунизма» была и «логикой» других произведений Маркса. В статье «К вопросу о евреях» она позволила ему нарушить логические законы тождества и достаточного основания и отождествить иудаизм с культом «золотого тельца» («Деньги – это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога»). В статьях «К критике гегелевской философии права», «Коммунизм газеты Рейнише Беобахтер» и в книге «Святое семейство» она снова позволила нарушить названные законы и отождествить христианство с гегелевской «религией Духа» и к тому же назвать последнего «материей». ¹ В «Капитале» она позволила гегелевского «духа трагической судьбы» назвать (в обход тех же законов) «капиталом» («капитал – как признанная всеобщность и сила всего общества», «сила, которая господствует над трудом», «капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен» и т. д.). ² В послесловии к 2-му изданию «Капитала» она позволила Марксу в нарушение логического закона непротиворечия (как и двух вышеназванных) назвать себя «учеником» Гегеля и в то же время утверждать, что его «диалектический метод» противоположен гегелевскому. И это тоже было вполне по-гегелевски, т. е. в духе той *антилогики*, которая была изложена в гегелевской «Науке логики».

Шопенгауэр не без основания упрекал гегелевскую антилогику в том, что она ведет фальшивую игру, маскирует обман, делает шарлатанские фокусы и напоминает своими алогизмами сумасшедший дом, в котором здоровый интеллект подвергается таким же пыткам, как нога, сжимаемая в «испанском сапоге». ³ Гегелевский «поворот в развитии логики» состоял в разрушении фундамента этой науки, в отрицании её основных законов, разрешении и оправдании их нарушений. ⁴ Так, например, логический закон

тождества требует не только употребления слов в одном и том же значении, но и запрещает приписывать предмету, что тот не имеет, и отнимать имеющееся. Иначе говоря, он запрещает лжесвидетельство. Упраздняя этот закон (который-де «не есть закон мышления, а есть, наоборот, противоположность такого закона») Гегель отбрасывал вместе с ним и логический закон непротиворечия («противоречие разрешается»), и все остальные законы.

Маркс был его учеником и тоже иногда представлял предметы не тем, что они есть, а тем, что они не есть. В том же послесловии к 2-му изданию «Капитала» Маркс написал, что при его создании он «открыто объявил себя учеником» Гегеля. Ни первый вариант «Капитала», опубликованный под названием «К критике политической экономии», ни первое его издание под собственным именем это не подтверждают. Не было в них такого объявления. Напротив, чтобы скрыть, что он является «учеником этого великого мыслителя», и представить себя новатором-революционером, в предисловии «К критике политической экономии» Маркс утверждал, что «Капитал» не только не тождественен гегелевской «Феноменологии духа», но и является её антиподом.⁵

И в проекции коммунизма на иудаизм он в основном следовал за Гегелем. Последний в лекциях о религии отождествил иудаизм с «религией Духа», которая формирует «сознание раба по отношению к господину», отрицает природу, личность человека («чистое пребывание в абсолютной самости, по отношению к которой собственная самость улетучивается»), свободу, разум («единство не терпит рядом с собой человеческий разум»), искусство и «всё особенное».⁶ И у Маркса читаем: «в еврейской религии содержится в абстрактном виде – презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку».⁷ За Гегелем следовал он и в оценках христианства, и в пропаганде коммунизма.⁸

Антилогика «Капитала» была не только предметом зиновьевской диссертации, но и её методом. Зиновьев не назвал в автобиографии своего руководителя, но нетрудно догадаться, кто был таковым. Им был, конечно, тот, которого он и в 90-е годы считал «супергением» («сталинские работы ... облегчали мне вхождение в марксистские тексты, довольно путаные»). Отсюда и его некритически-ученическое представление автора «Капитала» Учителем с большой буквы, а его антилогики – самой совершенной методологией, позволяющей правильно понять сложные явления, связи, изменения и процессы. Отсюда и его вера в то, что, используя «рациональное зерно» гегелевской диалектики, Маркс подверг её основательной критике и создал новый, в корне противоположный гегелевскому и связанный с материализмом, диалектический метод. И если факты этому противоречат, то тем хуже для фактов...

Сознание, сформированное коммунистической школой, подчинялось не логике фактов, а установкам религиозных фетишей. Зиновьев знал историю «Истории западноевропейской философии» Г. Ф. Александра, извлек урок

из жестокой экзекуции, которой тот был подвергнут по указанию Сталина, и не последовал его совету учитывать при оценке идей европейской философии мнения Белинского, Бакунина, Достоевского, Толстого и других классиков русской философии. В этом следует искать и ответ на вопрос В. Большакова: почему автор «Зияющих высот» и «Коммунизма» после исчезновения СССР перестал смеяться над коммунизмом и стал его защитником? Призыв подражать Марксу, учиться мыслить у Маркса, сделать марксовское единство диалектики и материалистического объяснения мира собственным методом познания стал девизом всей его дальнейшей работы. Не только в диссертации 1954 г., но и в 80-е – 90-е годы антилогика «Капитала» оценивалась им как «совокупность особого рода логических приемов», которые послужили ему «путеводной звездой» и при создании «Коммунизма».

Отсюда и успешная защита, и его принятие в 1954 г. (т. е. сразу после защиты) на работу в Институт философии АН СССР, и превращение кандидатской в «Философские проблемы многозначной логики»,¹⁰ в другие статьи и книги, в докторскую диссертацию «Философские проблемы многозначной логики» (1964), где многозначная антилогика «Капитала» была изложена малодоступным символическим языком. Так проявился в них коммунистический иррационализм, стремление ограничивать знание, чтобы дать место вере.

Если мысль рванется вскачь, -
Для власти она – враг.
И власть, как самый шустрый врач,
Копается в мозгах.

Она лезет в черепа,
Будто в свой карман:
Чтобы мыслила толпа,
Как простой баран.

Н. Ляпин

Роль скальпеля при этом исполняла «диалектическая логика», разрешившая нарушение законов логики и превратившая последнюю в средство обмана, в раба и маску антилогики. Ни диссертации Зиновьева, ни его книги не дают оснований для утверждения, что они вышли за рамки этой задачи и боролись с ухищрениями «многозначной логики», руководствовавшейся принципом «и да, и нет, а если угодно, то ни то, ни другое» и позволявшей называть черное белым, а белое – черным, нормой – нелепость и нелепость – нормой, ложь – истиной и истину – ложью («Если мы поменяем названия на обратные, суть дела не изменится»). Отсюда и его признание, которое не хотят замечать авторы похвальных некрологов, - признание о принадлежности к «той части интеллигенции, которая непосредственно соприкасалась с высшими органами власти (в особенности с ЦК и КГБ), обслуживала их»,¹¹ т. е. воспитывала кадровых работников и широкие массы в духе марксизма-ленинизма: знакомила их с официально признанным идеологическим учением, убеждала и заставляла принять его, контролировала умонастроения, давала истолкование происходящих событий, словом, «настраивала» и «вправляла» мозги в соответствии с коммунистическими образцами. В

«Гомо советикусе» Зиновьев написал, что он и его коллеги «обслуживали совсем не научные цели ЦК и КГБ», ощущали себя привилегированным слоем и, будучи заинтересованными в сохранении, возвышавшего их над массой, коммунистического строя, боролись с диссидентами «довольно жестоко и беспощадно». ¹² Отсюда и «Зияющие высоты», и «Катастрожка», и другие антидиссидентские произведения Зиновьева. Антилогика «Капитала» в них давала о себе знать уже в названиях, а о методе борьбы с оппозицией говорилось: «Если табун коней мчится в панике к пропасти, нужно обогнать его и постепенно увлечь в другом направлении... Надо у нелегальных критиков режима взять все их идеи и слегка их трансформировать. Пересказать их как наши собственные идеи, но затем сказать наше «Но», так чтобы и идеи остались за нами, и чтобы от них не осталось ничего действенного. А в отношении конкретных фактов мы должны пойти дальше диссидентов. На простакон это произведет сильнейшее впечатление, и нелегальная критика потеряет всякий смысл». ¹³ Потому и трудно поверить автору «Зияющих высот», когда он пишет в «Исповеди отщепенца», что единственным историческим прототипом их персонажей был он сам.

Перефразируя булгаковского персонажа, можно сказать: всякая революция, как и разруха, начинается в головах как «вторжение без оружия» и формирование оппозиционного сознания. Проявления антикоммунистической «духовной революции» были отмечены уже в известных постановлениях ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и «О репертуаре драматических театров». В 1956 г. произошло антикоммунистическое восстание в Венгрии. В 1966-67 гг. произошел «антипартийный студенческий бунт» в Ленинградском университете («Что же значит слово «коммунист»? Может – псих и проходимец – Ленин? Дзержинский – костолом. авантюрист?»), в 68-м – аналогичные события в Польше и Чехословакии. С 1965-го по 70-й самиздат выпустил более 400 работ, в которых критиковались опыт коммунистического строительства и политика КПСС. В начале 1970 г. на Западе появилась брошюра историка А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в которой говорилось о «кризисе советской системы». И новый буреви́ст Н. Ляпин писал, что «ночь над Сесезр, а не заря, наш Сесезр – как лагерь зеков чёрный», кричал в «Буре», что надвигается «землетрясение революции огневой», и призывал не верить КПСС («Не верьте партии, верьте разуму! Вера в партию – это чушь. Вера в партию – это пагуба для наших судеб и наших душ»). Он («по диагнозу я стал шизофреником») и В. Войнович тогда писали (и позже это подтвердил бывший член Политбюро А. Н. Яковлев ¹⁴), что среди интеллигенции, обслуживавшей ЦК и КГБ, сомневающиеся в правильности Советской власти диссиденты считались «полностью» или частично сумасшедшими». И Зиновьев, подтверждая вслед за Шолоховым свою принадлежность к «обслуживавшей» интеллигенции, в «Исповеди отщепенца» называл диссидентов «психами» и «сумасшедшими». ¹⁵

Эта «логика» дает о себе знать и в «Высотах». Клеветник в них совсем не похож на тех, кто называл «клеветником» Пастернака и Ляпина («клевета на партию»), а наиболее революционные суждения излагаются Шизофреником в «Трактате о судьбе, свободе, истине, морали и т. п.», прототипами которого могли быть «Рычаги» А. Яшина, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Труд и свобода» Ю. Давыдова, «Кризис буржуазного индивидуализма и личность» Ю. Замошкина, «Социология личности» И. Кона, «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А. Сахарова, «Нигилизм и нигилисты» А. Новикова, «Архипелаг ГУЛаг» А. Солженицына, стихи А. Галича, В. Высоцкого, Н. Ляпина... По сравнению с ними в «Трактате» нет оригинальных критических мыслей. Его отличие – в нарушении законов логики. Шизофреническая «логика» неоднозначна и антиномична: сказав «нет», она тут же говорит «да», и каждое утверждение сопровождается в ней «мучительным желанием противного утверждения». «Раздвоение сознания», «разорванность мышления и речи», «взаимопротивоположные, взаимоисключающие тенденции» и, как следствие, «бесплодное резонерство», «миморечь», «бред самого различного содержания» - в таких выражениях определяют психиатры значение слова «шизофрения». Поэтому и зинovieвский Шизофреник отличается от своих исторических прототипов непоследовательностью суждений, наличием в них чего-то другого.

Тот же лишенный «права на известность и существование» Ляпин, например, утверждал: «Наш Сесезр хваленый – страна рабов, господ». И Шизофреник пишет об обществе, в котором наиболее фундаментальным является отношение господства и подчинения. Он даже несколько развивает ляпинскую мысль и говорит о дезинформации, обмане, лицемерии, насилии, коррупции, бесхозяйственности, системе привилегий, хамстве, скуке, тоске, постоянном ожидании худшего и т.п. Но добавляет при этом, что дело не в СССР, а в «социальных законах», действие которых порождает-де подобные явления везде и всюду.

У Ляпина читаем: «В Союзе гений всё в опале, а он ведь ас в своей работе! Увы, наш гений оплевали, нынче посредственность в почете». И этот антитезис он доказывал на примерах судеб Мандельштама, Ахматовой, Пастернака, Солженицына, Галича, Высоцкого и других. И Шизофреник пишет об обществе, в котором «утверждается искаженная оценка личности – превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности, наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости».¹⁶ В деталях он даже идет дальше Ляпина: «...Не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь – творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза

превращения в казарму».¹⁷ И здесь тоже кажущееся сходство не может скрыть отличия. Как говорится, Федот да не тот. Ляпин говорит о «гении» оппозиции, Шизофреник – о «таланте» вообще. Истинная мысль в результате такой подмены была низведена до «уровня посредственности и средней бестолковости» и превращена в бредовую абстракцию. Шолохов был «талантливым и деловым», но не только не притеснялся, но и всячески поддерживался, в том числе и «сослуживцами». Далее, для Ляпина трагедия литературной оппозиции – следствие коммунистической политики. Шизофреник утверждает, что коммунизм не при чем и что здесь мы тоже имеем дело с действием «социальных законов», бунт против которых лишен смысла. Если Хрущев для спасения авторитета КПСС выбрал «козлом отпущения» Сталина и Берию, то Шизофреник всё сваливает на «социальные законы». Не лучше обстоит с этим и у Клеветника с Болтуном. Да и навешивание таких ярлыков на диссидентов – красноречиво.

Ляпин писал в 1970 г.:

А мне: халтурь, мол, что ты?
И премию дадут.
Нет, лучше в Дон Кихоты,
Чем в полчище паскуд...

Отрада не в маразме –
Искусство нужно дать...
А предать... Ну разве –
Некому предать?

А «диссидент» Зиновьева пишет: «Златому низко кланяясь кумиру, могу за грош продать теперь я даже лиру... Чтоб хоть немного повезло, живи, как на войне. Таким же злом плати за зло, а за добро – вдвойне. Ни слова правды. Только лги. Хватай, пока живой. Вокруг тебя одни враги. И ты им всем не свой. Своей лишь шкурой дорожи. Любовь «в расход» спиши, и в спины острые ножи друзьям вонзить спеши... Да, были времена! Как музыка, для нас звучали западные имена. Теперь же мы прокладываем миру путь. И от имен от наших мир охватывает жуть. Пускай владельцев тех имен давно истлело тело. Мы продолжаем их нетлеющее дело».¹⁸ Речь идет, судя по всему, об именах Маркса и Энгельса. Далее же зиновьевский «диссидент» называет себя «прохвостом», «мразью», «ублюдком» и в то же время говорит о себе в превосходной степени: «есть я Человек, есть Бог, есть Космос, есть Вселенная», т. е. показывает себя шизофреником или чем-то вроде гоголевского сумасшедшего Поприщина. «Слегка трансформировать» не получилось. В «Гомо советикусе» Зиновьев обвинял диссидентов в работе на КГБ. В «Катастрожке» представил Ляпина выразителем народной любви к КГБ, а Высоцкого – «партградским пьяницей». Так что нет оснований не доверять автору, когда он пишет, что «Высоты» создавались по плану «Института профилактики дурных намерений» и что тогдашний председатель КГБ Ю. Андропов их «читал и перечитывал».

Диссиденты со своей стороны тоже были не в восторге от этого продолжения гегелевских «Лекций по истории философии». Д. Панин оценил «Зияющие высоты» как книгу апологетическую, как «призыв к

соглашательству с режимом» и «клевету», в которой чувствуется «почерк КГБ».¹⁹ Отрицательно оценили их А. Сахаров, А. Солженицын и другие диссиденты. Ибо скрытую за вычурным многословием мораль «Высот» исчерпывающе выражают слова ляпинского персонажа: «Верь на слово пропаганде! Делай всё лишь по команде! А коль у власти где-то гады – о том не думайте, не надо! Работай честно и без лени и знай, что есть великий Ленин! Верь, что партия – мамаша, твоя совесть, сила наша, а ЦК – папаша вроде – мыслит только о народе! Цени наш строй и плюй на Запад! Не разводи сомненья запах! Верь: мы – маяк земного мира!». Всё остальное в них от искусства Протея, т. е. софистика, совращение и маскировка. А эпиграфом к их популярному изложению под названием «Мой дом – моя чужбина» Зиновьев мог бы поставить слова другого подобного ляпинского персонажа: «По Ленина велению и нашему хотению в СССР – свобода. У нас нет Бонапартии, нет диктатуры партии, есть счастье у народа». Всё остальное в нем тоже от искусства Протея.

В книге «Коммунизм как реальность» взгляды Шизофреника излагались уже как авторские.²⁰ Антилогика «Капитала» не запрещала плагиат. Маркс писал, что коммунизм будет результатом самоотрицания капитализма и свойственной ему атомизации и войны всех против всех. И Зиновьев ведет родословную коммунизма от «коммунальных отношений», т. е. из отношений «борьбы всех против всех», в которой каждый стремится захватить себе всё, что может, вершит суд над эгоизмом других и утверждает свой, который также отрицается другими. И не случайно он вспомнил здесь о своей кандидатской: крыша прохудилась, забор зияет, стены потрескались и готовы рухнуть, – а он под прикрытием, позаимствованных у диссидентов, критических оценок пытается убедить читателей, что дом – прочен, СССР – не концлагерь, Сталин – не Гитлер, что предсказание Маркса о всемирной коммунистической революции осуществляется и что «на наших глазах происходит грандиозный процесс завоевания мира коммунизмом».²¹ О каком «научном подходе к реальному коммунистическому обществу» могла идти речь, если основной вопрос о смысле коммунистического эксперимента не был даже поставлен? Впрочем, позже Зиновьев и сам признался, что название этой его книги не соответствует содержанию, что она алогична и «не имеет ничего общего с научным подходом».²²

Не избежал он антилогики «Капитала» и в автобиографической «Исповеди отщепенца». Название здесь тоже не соответствует содержанию: использование слова «исповедь» для обозначения попытки представить себя тем, чем ты не был, говорит не только о превращении слова в «чучело», но и о подражании Марксу в нарушении законов тождества и достаточного основания. Зиновьев в ней противопоставляет себя Сталину так же необоснованно, как Маркс противопоставлял себя Гегелю. А свое отрицательное отношение к антикоммунистической революции он выразил достаточно определенно и в «Катастрошке», написанной почти одновременно

с «Исповедью», и в интервью, опубликованном тогда же в коммунистической «Народной правде».²¹

В начале 1990-х Зиновьев приехал в Россию, само предположение о возможности которой он еще в 1990 г. называл «безответственной фразой демагогов» и рождению которой препятствовал, не жалея сил. Приехал, чтобы продолжать борьбу за коммунизм. Выступая в Институте философии, он представил А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова в стиле известной традиции агентами ЦРУ («Деланные они фигуры! За ними стоит ЦРУ»).²⁴ В последние годы работал советником Г. Зюганова и КПРФ, агитировал за них в выборных кампаниях и призывал к сопротивлению и «неприятию того пути, по какому направили Россию».

Его пропаганда антилогики «Капитала» (как и подобная работа других представителей коммунистической интеллигенции) не осталась без последствий. Нынешние их ученики даже не считают нужным ссылаться на какую-то логику. Так, например, в брошюре об известном ученом, академике И. С. Коне авторы написали, что все его работы к науке не относятся и что вся его деятельность была «преступной информационно-психологической войной, направленной против детей и молодежи, против традиционных ценностей России, против общественной морали и важнейших социальных институтов в российском обществе».²⁵ И это говорится о человеке, к которому, как мало к кому, относятся слова поэта: «Он жизнь свою науке посвятил, учил познанию, не жалея сил!» За 8-10-й классы он сдал экстерном, в 15 лет стал студентом, в 22 защитил 2 кандидатских и стал кандидатом исторических и кандидатом философских наук, в 30 лет стал доктором философских наук. Факультативный спецкурс «Личность в обществе», который он читал в 1966 г. в актовом зале исторического факультета ЛГУ, собирал до 1000 слушателей, вместо допустимых по технике безопасности 500; под впечатлением этих лекций один из студентов написал: «Надо учиться, всегда учиться, творить, брать знания на бордаж. К культуре надо, друзья, стремиться, как к гастроному с утра алкаш. Иначе будет навалом хлама по родимой нашей стране. И мы останемся сбродом хамов с портретом Ленина на стене»; Кон тогда был самой яркой «звездой» философского факультета ЛГУ и в конце 1960-х был уволен с факультета, работу на котором считал своим «настоящим местом и призванием», за неисполнение того самого приказа «Коль талант, то стань бездарным! Верь на слово пропаганде! Делай всё лишь по команде!»: и он стал поэтому одним из исторических прототипов Саввы Громова (главного героя моей «Перемены убеждений»); его «Социология личности» была переведена на 6, «Открытие Я» - на 7, а «В поисках себя» - на 5 иностранных языков. Для выпускника исторического факультета пединститута 1940-х годов, когда главным учебником для преподавателей и студентов был сталинский «Краткий курс истории ВКП (б)», это было не так уж и плохо.

Авторы брошюры, к сожалению, скрыли, как обстоит с читательским интересом к их работам по этой тематике и есть ли такие у них работы

вообще. А автобиография академика, опубликованная в 2008 г. в книге «80 лет одиночества», напоминает об «Исповеди» Л. Толстого, так как тоже является, связанной с переменой убеждений, *исповедью кающегося грешника*. Многие из нас в эпоху Октября писали по подсказке партий-суфлера, но немногие оценивают сегодня ту писанину как «дремучую темноту», «догматическую схоластику» и «пропагандистский вздор». Кон оказался среди немногих, и то, о чем молчал учитель, заговорило в учениках...

Антилогика «Капитала» дала о себе знать и в зюгановской «Верности», и в солженицынских «200 лет вместе»²⁶. Не отличается уважением к законам логики и статья А. Соколова «Молодецкий задор», опубликованная 10. 01. 2007 г. в «Томском вестнике». Отстаивая «точку зрения советской номенклатуры», автор утверждает в ней, что политически активная томская молодежь думает не головой, а известным задним местом (что наглядно и иллюстрирует неприличная картинка «Вперед за приключениями») и что главной чертой её морального облика является готовность «идти по спинам себе подобных» к власти, готовность, проявляющаяся в том, что «одни молодые даже съедают других». Возможно, что среди названных в статье фамилий кто-то и страдает этим комплексом «советской номенклатуры». Но это надо доказать, а Соколов, как и авторы брошюры об И.С. Коне, доказательствами себя не утруждает и законы логики (как и презумпцию невиновности) игнорирует. И такое печатается в городе, претендующем на звание сибирских Афин! Интересно было бы узнать о работе, проделанной областным и городским департаментами культуры по устранению возможности появления подобных, позорящих наш город, некультурных статей.

Литература и примечания

¹ Подробнее об этом см.: Томилов В. Г. Коммунизм как искушение власти. Томск, 2005. С. 21-30.

² И у Гегеля читаем: «Дух живет смертью непосредственной отдельной жизни» (Hegel G. Samt. Werke. Bd. V. Leipzig, 1930. S. 196). «Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению с всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель» (Гегель. Соч. Т. 8. М.; Л., 1935. С. 32). О том, что марксов «Капитал» является, одетой в сюртук экономических понятий, гегелевской «Феноменологией духа», см.: Duhring E. Kritische Geschichte Nationalökonomie und des Socialismus. Berlin, 1871; Hyppolite J. Etudes sur Marx et Hegel. Paris, 1955; Barion J. Hegel und die marxistische Staatslehre. Bonn, 1963.

³ Е. Дюринг обнаружил подобное «проституирование здравой логики» и в марксовском «Капитале». Но его критика «диалектической галиматии» не отличалась последовательностью. В книге «Еврейский вопрос как расовый и этический вопрос культуры» он показал себя в «проституировании здравой логики» тоже учеником Гегеля и Маркса. Похоже, что тоталитарному

сознанию, которое может овладеть другими существованиями, лишь «высосав из них мозг самостоятельной жизни» (Фейербах), удалось сломить его сопротивление, а авторам «Антидюринга» - внушить ему, что его логикой является гегелевская антилогика.

⁴ Подробнее об этом см.: Методология науки. Вып. 2. Томск, 1997. С. 280-284.

⁵ «В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо... Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительно жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками... Там, где прекращается спекулятивное мышление, - перед лицом действительной жизни, - там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25-26).

⁶ Гегель Г. Философия религии. Т. 2. М., 1977. С. 85-121.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 410.

⁸ Подробнее об этом см. в моем «Коммунизме» гл. 2.

⁹ Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 50, 414 и др.; «Вопросы философии», 2007, № 4. С. 92. И хорошо знавший Зиновьева К. М. Кантор свидетельствует, что «почти все зиновьевские идеи, его открытия, которые позже были развернуты в его книгах, впервые прозвучали в наших разговорах конца 40-х-первой половины 50-х годов, в период написания им диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному». К этим первоначальным беседам мы возвращались и в Мюнхене» (там же, с. 85). Отсюда и отрицательный ответ Зиновьева на вопрос корреспондента, боролся ли он против советского коммунизма (см.: Большаков В. Убийство советского человека. Собкор «Правды» в Европе рассказывает... М., 2005. С. 413, 429). Отсюда и зиновьевская оценка сталинского «Краткого курса» как «божественной вершины сверхгениальности» (Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 2000. С. 297). И этот факт не мешало бы иметь в виду тем, кто в погоне за оригинальностью утверждает, что Маркс к нашей послеоктябрьской истории никакого отношения не имел и что Сталин был врагом Маркса.

¹⁰ Антилогика «Капитала» здесь (как и у Маркса) дает о себе знать уже в названии: многозначной может быть лишь антилогика, игнорирующая и отрицающая логический закон исключенного третьего, согласно которому всякое суждение может быть либо истинным, либо ложным. «Многозначная логика», для которой, по мнению Зиновьева, «всё истинно и всё ложно», это (с логической точки зрения) - «горячий лёд», «деревянное железо» и им

подобные нелепости. Так что в самом названии книги и диссертации было немало цинизма, насмешки над философией, и автор «Философских проблем многозначной логики» имел основания назвать место, где решались «философские проблемы» несуществовавшего предмета, «желтым домом».

¹¹ Зиновьев А. Русская судьба... С. 400. И в других местах его автобиографии читаем: «Я – коммунист ... в том смысле, что родился, вырос и воспитан в коммунистическом обществе и обладаю всеми существенными качествами советского человека... Моя жизнь и деятельность протекали в кругах идеологов и сотрудников аппарата высшей власти... Имел почти неограниченный доступ в закулисную жизнь и в присподобную историю... Я не был офицером КГБ. Но по роду моей работы мне приходилось изучать доносы... В свое время в КГБ был завал доносов. Сотрудники КГБ своими силами не справлялись с ними и привлекали в помощь посторонних специалистов. Привлекали и меня... Моя задача состояла в том, чтобы отобрать из многих тысяч доносов заслуживающие внимания, а остальные передать на уничтожение... Я принадлежу ... к КГБ... Наша задача ... состояла в том, чтобы теоретически обосновать закономерность удушения диссидентов и выработать эффективные меры для этого» (там же, с. 14, 291, 444 и др. Зиновьев А. Гомо советикус. Пара беллум. М., 1991. С. 9, 13, 16 и др.).

¹² Зиновьев А. Гомо советикус... С. 16, 46, 47 и др. И в другом сочинении он писал в данной связи: «Члены привилегированных слоев ощущают себя в качестве соучастников эксплуатации и дорожат этим. Существующий коммунистический строй есть их строй жизни и для них, ибо лишь благодаря ему они имеют особое положение, возвышающее их над массой людей. Потому члены привилегированных слоев расправляются с нарушителями принятых в них правил поведения довольно жестоко и беспощадно» (Зиновьев А. Коммунизм... С. 207).

¹³ Зиновьев А. Смута. М., 1995. С. 130-131.

¹⁴ Яковлев А. Сумерки. М., 2003. С. 178.

¹⁵ И Шолохов в сентябре 1967 г. писал в секретариат Союза писателей: «У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне (в частности, после его письма съезду писателей в мае этого года), что он – душевно больной человек, страдающий манией величия. Что он, Солженицын, отсидев некогда, не выдержал тяжелого испытания и свихнулся. Я не психиатр, и не мое дело определять степень пораженности психики Солженицына. Но если это так, - человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37-го года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям и молодым особенно» (цит. по: «Молодая гвардия», 1994, № 3. С. 223).

¹⁶ Зиновьев А. Зияющие высоты. L' Age d' Homme, 1988, с. 40.

¹⁷ Там же, с. 40.

¹⁸ Зиновьев А. Мой дом - моя чужбина. М., 1991, с. 60, 106, 107.

¹⁹ Панин Д. Мысли о разном. Т. I. М., 1998, с. 200, 203 и др.

²⁰ «После опубликования на Западе в 1976-1979 годы «Зияющих высот», «Светлого будущего» и ряда других книг многие читатели просили меня и моего издателя опубликовать социологические главы этих книг, посвященные коммунистическому общественному строю, отдельной книгой. Выполняя эту просьбу, буквально за две недели я написал книгу «Коммунизм как реальность» (Зиновьев А. Коммунизм... С. 3).

²¹ Там же, с. 37, 276, 368 и др.

²² Зиновьев А. Русская трагедия. М., 2005. С. 46. «Наука стремится к соблюдению правил логики. Идеология же алогична по существу. Она использует внешние проявления логичности мышления, чтобы скрыть отсутствие именно логичности.» (там же, с. 85).

²³ «Без опоры на высшие достижения марксизма новую идеологию выработать невозможно... Нужна интеллектуальная диктатура. Как в большевистской партии. Ленин колоссальным образом превосходил всех троцких, бухаринных, зиновьевых. Сталин был прав... Взять установку на революцию, продолжить дело, начатое в 1917 году. И первым делом покончить с контрреволюцией. И путь уже опробован: железная организация профессиональных революционеров... Нужно порвать с Западом... В этом отношении Сталин был гений. Он был супергений!.. Брежнев был дурак, но как человек системы он поступал правильно... Месть нужна!.. В этой ситуации нужен человек типа Сталина... Если такой человек появится (а он должен появиться), что он будет вынужден сделать в первую очередь? Арестовать Горбачева, Яковлева, Шеварнадзе и их выкормышей и повесить. Повесить в 24 часа! Потом всех этих монархистов, радикалов, анархосиндикалистов – всех в трудовые лагеря!.. Отменить реформы! На виселицу реформаторов!» («Народная правда», 1993, № 1).

²⁴ «Вопросы философии», 2007, № 4, с. 41.

²⁵ Кузнецов М. Н. и др. Заключение по содержанию, направленности и фактическому содержанию публикаций академика И. С. Кона. М., 2002. С. 74.

²⁶ Подробнее об этом см.: Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 6. Томск, 2005, с. 241-246.